

Против “советского рая” *

Заметки венгерских солдат о целях войны и сталинском Советском Союзе¹

JUDIT PINURIK

После Трианонского договора 1920 года² в качестве противников в Венгрии рассматривали в первую очередь соседние народы, к которым отошли по нему бывшие венгерские территории, а главной внешнеполитической задачей являлось осуществление мирной территориальной ревизии. По отношению к Советскому Союзу у Венгрии не было претензий, соотношение сил и количества войск также исключало возможность причисления СССР к потенциальному противнику, тем не менее он считался таковым по идеологическим основаниям.³ Это подкреплялось воспоминаниями о решающей роли России в разгроме венгерской революции и освободительной борьбы 1848–1849 годов, а также тем, что эти страны были противниками в Первой мировой войне. Однако, благодаря проводимой премьер-министром Иштваном Бетленом (Bethlen István)⁴ политике консолидации положение не только стабилизировалось, что дипломатические круги при поддержке премьер-министра, поставив экономические и внешнеполитические интересы

---

* A tanulmány az OTKA T 042763 számú pályázatának támogatásával készült. Исследование проведено при поддержке гранта OTKA № T 042763.

¹ В источниках это выражение используется в обобщенном ироническом смысле.

² К концу Первой мировой войны распалась Австро-Венгерская монархия и на большую часть территории многонациональной исторической Венгрии, которая составляла ее часть, претендовали вновь образовавшиеся на этом месте государства – Австрия, Чехословакия, Королевство Сербии, Хорватии и Словении, а также Румыния. В 1920 году Венгрия потеряла 57 % своей территории и две трети населения.

³ С 21 марта по 1 августа 1919 в послевоенной политической и экономической обстановке произошла попытка установления в Венгрии советской республики. В установившемся после падения этой республики режиме, который сам себя называл контрреволюционным, был глубоко укоренен антибольшевизм.

⁴ 1921–1931.

страны выше идеологических аспектов, инициировали установление отношений с Советским Союзом, в результате чего осенью 1924 года между двумя странами были заключены дипломатическое и торговое соглашение. Советский Союз мог стать важным торговым партнером для самостоятельно вышедшей после 1920 года на мировой рынок Венгрии, при этом Венгрия надеялась получить от не признавшей заключенных после Первой мировой войны мирных договоров великой державы поддержку в своих внешнеполитических устремлениях. Но в связи с тем, что в Венгрии вновь усилились антисоветские тенденции, и правитель Миклош Хорти (1920–1944) был против ратификации соглашений, они так и не вступили в силу. Только десятью годами позднее, в 1934 году были установлены дипломатические отношения, уже при поддержке главы государства. В начале 1939 года отношения между двумя странами испортились из-за направленности венгерской политики на проведение территориальной ревизии⁵, присоединении ее к антикоминтерновскому пакту и выходу из Лиги Наций. Однако в 1940 году, после того, как обе страны предъявили территориальные претензии к Румынии, между ними были вновь налажены отношения и сделаны жесты навстречу друг другу⁶. Опасения Венгрии относительно Советского Союза, конечно, остались неизменными, но не занимали общественное мнение так, как враждебные настроения по отношению к соседним государствам, поскольку стране не угрожала опасность леворадикального переворота и воспоминания о временах Венгерской Советской республики уже притупились. Однако, после удачного возвращения Венгрией территорий в изменившейся военной обстановке летом 1941 года факт вступления в войну против Советского Союза был довольно легко принят общественным мнением.⁷

⁵ В 1938 и 1941 году при поддержке Германии и Италии Венгрия вернула часть утраченных территорий.

⁶ Венгерское правительство разрешило находящимся в тюрьмах коммунистам вернуться в Советский Союз, а из СССР в Венгрию были возвращены знамена, захваченные при подавлении освободительной борьбы в 1849 году.

⁷ Премьер-министр Ласло Бардоши (Bárdossy László) объявил о том, что Венгрия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Причиной войны он назвал бомбардировку Кошице, которая по его предположению была проведена советскими самолетами. В 1941 году в наступательных операциях приняла участие 90-тысячная Карпатская группа, а с весны 1942 Вторая венгерская армия в составе 207 тысяч человек. Венгерское военное руководство рассчитывало на затяжную войну, но не сомневалось в победе немцев. Согласно сводке октября 1941 года военный крах Советского Союза в ближайшем будущем не ожидался: «В заключении можно констатировать, что большевизм как политический фактор может быть полностью устранен только в том случае, если в дополнение к уничтожению Красной армии вся территория Советского Союза будет оккупирована и советское правительство будет вынуждено потерять власть. Пока это не представляется возможным.» Сводка политического и военного положения Советского Союза в конце октября 1941 года. Военно-исторический архив, 1 президентский отдел Начальника генерального штаба (В дальнейшем: HL VKF eln. 1. oszt.) 6687.

Еще до войны в Венгрии появлялось множество изданий, критически освещающих большевистский режим. Наряду с публикациями о жестокостях сталинизма, начиная с конца 1941 года стали появляться отчеты о впечатлениях вернувшихся с фронта, пресса также все больше внимания уделяла освещению военных событий. Характерно, что пропаганда переплеталась с антисемитской политикой внутри страны, в публикациях все чаще встречалась уже известная мысль о том, что за все злоупотребления сталинского режима несут ответственность евреи, а сам большевизм был ими же изобретен и построен.

Для оправдания участия Венгрии в войне в пропагандистских изданиях предлагается два основных аргумента: во-первых осуждение советского строя, а во вторых, положение о том, что немецкое нападение лишь предупредило готовящееся нападение Советского Союза на Европу⁸. Тот факт, что прежде чем 22 июня 1941 года без объявления войны напасть на Советский Союз Германия, начиная с 1939 года, также без объявления войны напала на несколько не коммунистических стран, авторами игнорировался. По отношению к этим странам приводимые аргументы не имели силы, но побежденные страны просто не упоминались, и таким образом противоречие замалчивалось. Роль Германии в войне подавалась чаще всего так, будто она при поддержке всех европейских народов вместе с союзниками ведет борьбу с единственным врагом – Советским Союзом. Авторы редко упоминают о военных событиях 1939–41 годов, о нападении на Польшу, нейтральные государства, Францию, бомбардировках Англии, действиях против Югославии. Интересы великой Германии не подвергаются сомнению, авторы замечают злоупотребления лишь одного бесчеловечного режима. Венгерское население пыгались убедить в том, что подвергнувшаяся нападению сторона является агрессором, в потоке аргументов неясно, какова же тогда причина нападения на другие государства во имя антидемократической, бесчеловечной идеологии.

Фронтовые дневники и некоторые воспоминания⁹ дают возможность получить более дифференцированную картину, которая не во всем совпадает с тенденциозно отобранными опубликованными материалами. На театре военных действий было запрещено вести дневники, но, несмотря на это, до

---

⁸ Несколько примеров: Faragho Gábor: Szovjetország (Советская Россия). h. n., é. n. До апреля 1941 года Фараго служил военным атташе в Москве, книгу написал вернувшись на родину. Reviczky Sándor: A vörös hadi készség és a tömeg élete (Боевая готовность Красной армии и жизнь масс). Фронтовые впечатления автора в 1941 году вместе с другими сходными записками были опубликованы в книге *Honvédeink Vörösországról* (Наши воины в Красной стране). Ред.: dr. Marjai Frigyes. Budapest 1942. 171–176. Rásy Barna: Három év háború 1939–1942 (Три года войны 1939–1942). Budapest 1943.

⁹ Ценность дневников как источников выше, чем воспоминаний, но и последние при достаточно критическом подходе могут дать ценный материал.

нас дошло значительное количество рукописей¹⁰, большинство написано офицерами. Важно отметить, что большинство авторов являются офицерами запаса, что и понятно, так как из запаса набиралось две трети офицерского и 80 % рядового состава.¹¹ Дневники кадровых офицеров, за некоторыми исключениями, содержат немного личных замечаний, а большей частью посвящены описаниям боевых действий, в то время, как офицеры запаса и рядовые сохранили для нас описание фронтовых будней. Эти источники точно отражают перемену взглядов и настроений солдат и офицеров на фронте. По мере накопления опыта у авторов записей появляется все больше сомнений, хотя советский режим большинство из них поразил. На основании дневников можно видеть, как венгерские солдаты относились к войне и своей роли в ней, каким видели Советский Союз. Эти источники подтверждают, что большинство солдат в 1942 году отправлялись на фронт в надежде на быструю легкую победу в убеждении, что их целью является предупредить советское нападение и уничтожить большевизм, они уверены, что население встретит и как освободителей и война скоро кончится, а осенью они смогут вернуться домой¹². Со временем для них становилось все яснее, что они имеют дело не с побежденным и мечтающим сдаться противником, а встречают на 200-километровой линии фронта упорное сопротивление.

---

¹⁰ Значительный объем рукописей находится с Собрании исследований Военно-исторического архива (в дальнейшем HL TGY), но и в семьях могло сохраниться много записок. Публикуется все больше дневников и мемуаров.

¹¹ В соответствии с трианонским договором, страна могла иметь армию до 35 тысяч человек. Развитие этой армии началось в тридцатые годы, таким образом к началу войны венгерские вооруженные силы не отвечали требованиям ни по количеству личного состава, ни по подготовке, ни по оснащённости.

¹² Венгерское военное руководство не рассчитывало на то, что война завершится в 1942 году. Осенью обстановка оценивалась следующим образом: «Общая боеспособность советских войск все еще высока и после призыва Сталина в результате усиления террора пока стала только выше. – Они упрямо и упорно сражаются в нападении, а в обороне лучше, чем в прошлом году. Признаки разложения наблюдаются лишь местами и только в отдельных ситуациях.» После подробного описания положения делается вывод: «В итоге можно заключить, что сопротивление Красной армии еще не сломлено.» После августовских потерь из 9-миллионной советской армии на европейском театре действовало предположительно 4,5 миллиона человек, и имеющийся в распоряжении резерв составлял 2,5 миллиона человек, таким образом для Советского Союза возмещение людских потерь также не вызывало трудностей. Боеспособность отдельных частей не считалась одинаковой. Однако, согласно общей сводке положения в 1943 году ожидалось изменение ситуации: «Советский Союз не может рассчитывать на эффективную помощь со стороны союзников.» Из-за этого и из-за внутренних трудностей в 1943 году ожидалось ослабление Красной армии. A Szovjetunió politikai és katonai helyzete 1942. szeptember 1-én (Политическое и военное состояние Советского Союза 1 сентября 1942 года). HL VKF eln. 1. oszt. 5581.

Чрезвычайно интересно сравнить описания, изданные с пропагандистскими целями, и частные записи. Точки зрения современников тех событий явно противоречат друг другу: бросается в глаза разница между работами, которые концентрируются лишь на жестокостях советского режима, иногда удивительно прозорливы, но часто построены на предвзятых с одной стороны, и освещающими ситуацию с разных сторон неизданными дневниками с другой стороны.

В июне 1941 года Гитлер ссылаясь на угрожающее выдвижение советских дивизий и назвал Германию миротворцем, а Советский Союз агрессором. Многие венгерские издания практически дословно приводят его основные аргументы, венгерская пропаганда переняла немецкую точку зрения по вопросу превентивной войны. Поначалу эти взгляды встречаются и в дневниках, но по мере продвижения по оккупированным территориям, видя нищету и разрушения военного времени, солдаты все реже останавливаются в своих заметках на большевистской угрозе, в большинстве случаев стереотипы сменяются выражением сомнения, разочарования и безысходности. Большевизм по-прежнему осуждается, но картина войны становится более дифференцированной. Все меньше находилось солдат, которые верят, что задачей Венгрии должно быть уничтожение сталинского строя, а под влиянием фронтовых испытаний тезис о том, что на Дону солдаты защищают венгерские границы, окончательно потерял смысл. Разумеется, в отличие от фронтовых дневников, пропаганда внутри страны не отражала эти настроения неуверенности.

Сначала мы приведем примеры записей, повторяющих аргументы официальной пропаганды. Прапорщик запаса Иштван Шимон (Simon István) в своем дневнике¹³ 24 июня 1941 года описал состояние войны на основании речи Гитлера. Он утверждает, что «симпатии всей Европы направлены против коммунистов», и пишет так, как будто Германия не вела войну почти против «всей Европы», а не только против Советского Союза. В связи с этим он также повторяет немецкие доводы: Гитлеру «необходимо было обеспечить оборону тыла, прежде чем направиться против русских». Он не замечает противоречия, ведь если вся Европа поддерживает Германию, зачем ей нужно обеспечивать оборону тыла? Характерный для личных источников факт: тот же автор для себя и для Венгрии 1 августа в связи с полевой мессой формулирует цели войны по-другому: «Нас вдохновляет сознание того, что мы боремся за воздвижение креста, вынос его на свет».¹⁴

¹³ Simon István: Katonai szolgálatom története (История моей военной службы). HL TGY 3208. (В дальнейшем: Simon.) Автор являлся прапорщиком запаса, в 1941, а затем в 1942–43 году воевал на советском фронте.

¹⁴ Для многих венгерских солдат важным фактором была их вера в то, что они возвращают русскому народу (это название употребляли по отношению ко всем живущим в Советском Союзе народам) возможность вести религиозную практику. Во многих дневниках есть описания того, как солдаты с радостью встречали участие местных жителей в полевых мессах.

Золтан Ароксзálлáши (Ároksszállási Zoltán)¹⁵ дает поэтическое описание того, как венгерские войны отправляются в русскую пустыню на защиту своих домов, своего будущего, своих потомков. Для его работы характерно то, что он ищет доказательства для заранее принятых аргументов, когда таким образом описывает русских военнопленных: «Какие дикие, грубые лица, сколько дикости, животной жестокости таится в этих глазах. Это тоже визитная карточка России, сталинского режима. Настало время стереть его с лица земли.»¹⁶ Предвзятость против большевизма не позволяет ему сформировать реальное представление о русском народе, его культуре и традициях. С благоговением пишет автор о жертвующих жизнью за свою родину и всю Европу немцам, видя могилы он замечает: «Сколько крови и страданий для того, чтобы осуществить мечту о мировом господстве кучки ослепленных евреев коммунистов.»¹⁷ Таким образом он однозначно принимает цель войны: «Для этой огромной части земли необходимы оккупанты, которые наведут порядок. Здесь найдется достаточно земли не только для русского народа, но и для всей Европы и стремление Сталина к мировому господству можно объяснить только его низкой жадной властью. Если на этой земле будет наведен порядок, а он будет наведен, потому что должен быть наведен, каким Ханааном, текущим млеком и медом, каким раем, какой житницей станет она для новой Европы.»¹⁸ Ароксзálлáши не видит настоящего лица нацизма и Гитлера, он не думает, какой была бы созданная им новая Европа.

Находились и те, кто не принимал такие доводы. Кадровый офицер Денеш Барани (Bárány Dénes)¹⁹ уже 9 августа 1942 года приводит критическую, реальную картину: «Люди не принимают бои на Дону с тем воодушевлением, каким они бы вошли и воевали в Трансильвании. Они не чувствуют, что родину надо защищать здесь. ... Наши солдаты были бы наверняка на высоте положения в боях за Карпаты, но не здесь, против фанатичного и упорного врага.» 19 сентября у него вырываются следующие горькие слова: «Так эти люди действительно преданы политикой? Разве можно в 1942 году отправлять нормальных, здоровых людей в бой с орудиями 5/8 в то время, когда вокруг них разезжают танки Т-34? Однажды Маньо выстрелил в та-

---

¹⁵ Úttalan utakon. Egy gépkocsizó vonatcsoport élete Oroszországban a szovjet elleni hadjáratban. 1942. V. 26–1943. IV. 25-ig. A csoportparancsnokság megbízásából írta és összeállította dr. Ároksszállási Zoltán karpaszományos őrmester (По дорогам бездорожья. Жизнь моторизированной обозной группы. 26. V. 1942–25. IV. 1943. По поручению командования группы написал и составил вольноопределяющийся фельдфебель д-р Золтан Ароксзálлáши). HL TGY 3034. В дальнейшем: Ároksszállási.

¹⁶ Ároksszállási 13.

¹⁷ Ároksszállási 19–21.

¹⁸ Ároksszállási 26.

¹⁹ Bárány Dénes tüzérszázados háborús naplója. 1942. Doni hadjárat (Военный дневник артиллерийского капитана Денеша Барань. 1942. Операция на Дону). HL TGY 3430. В дальнейшем: Bárány.

кой танк и к тому же они попали в ходовую часть, но в танке к счастью этого даже не заметили, к счастью, потому что иначе вдавили бы их в землю также, как находившееся рядом с ними зенитное орудие! Это все равно, что идти на охоту с игрушечным ружьем!» По мнению Барани советские силы не слабее, чем в 1941, более того: «... они себя чувствуют весело, хорошо держаться, страна огромна и природные запасы ее неисчерпаемы. А терпеть лишения они научились в ходе своей истории.»²⁰

Согласно воспоминаниям Ласло Эсени (Eszenyi László)²¹ многие офицеры принимали цели войны: „Война против Советского Союза воспринималась как крестовый поход против большевизма. Это было естественное поведение, вытекающие из наших детских воспоминаний и воспитания.»²²

В мемуарах лейтенанта Шебештьена Коппани (Koppányi Sebestyén)²³ высказывается отличное от мнения Ласло Эсени мнение. Ему кажется, что для венгерских офицеров было характерно другое: «Но дух времени, общественное воспитание иногда заставляли этих хорошо подготовленных людей делать такие заявления, которые затруднили бы для современного читателя понимание их духа и настроения, так как большая часть этих солдат верила в бессмыслицу, которую говорила.»²⁴ По его мнению для всей армии были характерны неосведомленность, самоуверенность, которая часто приводила к тяжелым последствиям, искаженное понимание ситуации, ее не соответствующая обстоятельствам оценка.

В 1942 году после 800–1000-километрового пешего перехода, который им пришлось сделать после доставки по железной дороге, составляющие большую часть Второй венгерской армии пехотные части столкнулись с фронтовой реальностью и могли сопоставить собственный опыт с услышанным во время подготовки и пропагандистскими материалами. С этого момента определяющим элементом дневников становится описание непосредственных впечатлений, а не сформулированные кем-то другим теории. Яркой иллюстрацией этой перемены может служить дневник капрала Петера Пала Кечкеш (Kecskés Péter Pál)²⁵. Кечкеш был призван из запаса в апреле 1942 года, 26 июня его часть отправилась по железной дороге и 1 июля прибыла в Решицу, откуда отправилась дальше пешком и после тысячекилометрового перехода 14 августа прибыла на фронт в район Дона. Оттуда часть немед-

²⁰ Bárányi 1942. szeptember 30 (30 сентября 1942).

²¹ Eszenyi László magyar királyi vezérkari százados emlékirata (Воспоминания капитана венгерского королевского генерального штаба Ласло Эсени). HL TGY 3092. В дальнейшем: Eszenyi.

²² Eszenyi 377.

²³ Koppányi Sebestyén: Visszaemlékezéseim... A 4. honvéd gyalogezred harctérre vonulása és tragédiája (Мои воспоминания... Вступление в бой и трагедия 4-го армейского пехотного полка). HL TGY 3115. В дальнейшем: Koppányi.

²⁴ Koppányi 3.

²⁵ Kecskés Péter Pál: Honvédnapló a keleti frontról. 1942. június 26–október 19 (Дневник бойца с восточного фронта. 26 июня–19 октября 1942 года). Szeged 2002. В дальнейшем: Kecskés.

ленно, без отдыха была брошена в бой. В течение почти четырех месяцев, с 26 июня по 19 октября 1942 года Кечкеш каждый день записывал происходящие события, свои мнения и впечатления.²⁶ До нас дошло немного рукописей, содержащих столь полную и подробную информацию, сохранивших настроения и впечатления рядового состава. На основании записей капрала можно проследить, как по мере приближения к фронту первоначальное воодушевление сменяется апатией, а затем и разочарованием. 30 июня автор записей увидел первые солдатские могилы. В связи с этим он замечает, что павшие были первопроходцы-мученики нового мира, которые «погибли в борьбе за лучшее будущее».²⁷ Тогда сомнений еще не было, Кечкеш искренне верит, что задачей венгерской армии является участие в разгроме большевизма и вдали от дома они защищает родину. 6 августа, после 770 километров перехода, в дневнике появляется первая запись, отражающая отчаяние: «Мы чувствуем себя так, что если прилетит самолет, никто не выйдет из палатки, пусть летят осколки. Народ отчаялся, почему, писать не буду.»²⁸ Местами в повседневные записи вкраплены потрясающие сообщения, как, например, 12 августа: «Мы на марше, курить запрещено. Один солдат в колонне, Антал Й. застрелился. В 4 часа утра светает, разрешают курить.»²⁹ Очевидно, что речь идет не о бесчувственности, кажущаяся безучастность может быть следствием усталости и разочарования. При таких обстоятельствах солдаты прибыли на фронт, где их немедленно отправили в бой. С 15 августа часть Кечкеша в течение пяти дней была на передовой в районе Коротояка, в начале сентября принимала участие в боях за переправу у Урыва. 13 сентября он описывает обстановку следующим образом: «Мы начинаем выдыхаться, днем и ночью усиленное наблюдение и огонь, а к тому же голод постепенно нас истощают. Один день в бою можно считать за два, потому что надо бодрствовать и ночью, ночью даже больше работы чем днем, потому что ничего не видно. ... Ждем вечера, а с ним еду и воду. Воду надо достать любым путем, потому что дальше так выдержать невозможно. В настоящий момент установилось затишье, собираем силы для дальнейшей борьбы. Невозможно высунуть голову, сразу начинают стрелять. ... Нашего товарища Йожефа Сорат (Szóráth József), который немного высунул голову, тут же застрелили, он умер на месте.»³⁰ А 19 сентября капрал подводит горький итог своего опыта: «Эта война разрушение, уничтожение жизни и добра.»³¹

²⁶ В октябре 1942 был в отпуске и оставил рукопись дома. Вернувшись на фронт, в январе 1943 погиб при Острогосжке, вероятно при прорыве из города.

²⁷ Kecskés 26.

²⁸ Там же 50.

²⁹ Там же 53.

³⁰ Там же 84.

³¹ Там же 88.

После боев за переправу в августе-сентябре 1942 года³² у многих сложилось то же мнение. Для Иштвана Шимона (Simon István)³³ настоящей травмой стало 18 августа: «На поле боя трупы валяются горами. Оценить по-настоящему потери может только тот, кто видел это своими глазами. Конечно, в военных сводках об этом не говорится и дома люди понятия не имеют о том, каких жертв требует эта война, гораздо более кровавых, чем в прошлом году.» 13 сентября он записывает мысль, которая встречается во многих подобных источниках: «Только тот знает, что это такое, кто находится здесь. Мы не едим в обед и в ужин, уже неделю я не мылся.» Днем позже: «Хочу только спать и спать.» 18 сентября он объясняет падение венгерского боевого духа тем, что война идет далеко от дома. Сходного мнения придерживался и подполковник Бела Вечеи (Vécsey Béla),³⁴ который 6 сентября 1942 года делает следующую запись: «В этих подавленных солдатах не узнать венгров мировой войны. Может быть не хватает психологической подготовки, но трудно объяснить простым людям, что здесь они защищают границы Венгрии. Они видят только, что сражаются за немецкие интересы, и эта видимость оставляет глубоких след в их душах.» Из дневников видно, что тогда, в сентябре 1942 года, солдаты начали понимать, что их не будут сменять. Они начали оборудовать зимние позиции, запастись горючие материалы и продовольствие, так как уже ясно видели трудности их поставок.

Из рукописей исследователь может также получить информацию о том, как венгерские солдаты представляли образ врага. Некоторые разделяли народ и представителей власти, большевиков. Многие писали о жителях оккупированных территорий с глубокой симпатией, но были и такие, кто пользовался грубыми стереотипами. Причиной этому служило отсутствие знаний, а также сложившиеся под влиянием указанных во введении факторов предрассудки. Авторы большей частью не знали или игнорировали проблемы советского-российского общества, они рисовали однозначно негативную картину не только советской системы, но и народа и армии. Однако интересно отметить, что осуждающие большевистский режим авторы не понимают, почему население не встречает их с распростертыми объятиями, при этом не задумываясь о том, какой освободитель может быть из нацистской Германии.

Фронтовые заметки Бела Шаада (Saád Béla) в 1942 году вышли отдельной книгой. В ней он описывает историю встречи с русскими крестьянами, кото-

³² С начала августа 1942 года на Дону идут так называемые «бои за переправу». Зажатые на восточном берегу советские войска перешли в успешное контрнаступление для захвата главных позиций на западном берегу. Основные бои на венгерском участке фронта велись в районе населенных пунктов Коротояк, Урыв, Сторожеево.

³³ См. прим. 13.

³⁴ Vécsey Béla alezredes második világháborús naplóí. 1941–1944 (Дневники Второй мировой войны подполковника Бела Вечеи. 1941–1944). HL TGY 2622. (В дальнейшем: Vécsey) В то время был командиром 1 батальона 35-го пехотного полка.

рая кажется достоверной, и высказывает мысль, которую разделяли и другие солдаты. Особенно из-за их крестьянских корней их поражало одно и то же впечатление: «Посреди плодороднейшей в мире земли стоит русский. Смотрит на нее и при этом действительно жестоко голодает. Это все равно, что умереть от голода за накрытым столом. Мы попробовали спросить у них, почему они не обрабатывают землю, почему перебиваются без дела все лето и вступают в длинную зиму без еды. – Большевик – говорят они и показывают, что у них все забрали.» Шаад не понимает, как может быть, чтобы крестьянин не мог спрятать немного картошки. Ответ на его вопрос: „Большевик, – сказал и повторил свой жест русский старик вместе со своей женой, и в их движениях было приятное успокоение в том, что у них все забрали, таким образом у них есть вполне уважительная причина голодать в нищете и не работать.» Автор признает, что возможно ошибается, но ему кажется, что огромные пространства неиспользованной или едва обработанной плодородной земли подтверждает его мысль.³⁵

Образ врага в записях, сделанных на полях сражений, не одинаков. Кишш Миклош Немешкери (Nemeskéri Kiss Miklós)³⁶ заносит свои впечатления в дневник со своеобразным цинизмом: «Наполовину сгоревшие трупы издают жуткое зловоние. Я и не знал до сих пор, что поджаренное в больших количествах человеческое мясо так воняет. Но может быть только русское! Во всяком случае мне разонравилось человеческое мясо!»³⁷ 7 июля после авианалета: «Снова проходили мимо обстрелянного «штуками» леса смерти. Огромное число русских раненых стонало, захлебываясь в крови, они лежали вперемежку с трупами. Конечно, они брошены на произвол судьбы, в такую войну нет ни времени, ни людей ими заниматься. Однако зрелище было ужасное. Весь сегодняшний день идем среди чудовищного зловония. Типичный кислый советский запах вперемешку с дымом, запахом пороха и трупным запахом составляет жуткую вонючую смесь, от которой я не могу избавиться несколько дней. К этому я не могу привыкнуть многие дни. Потому что привыкнуть к виду разорванных на куски, со распоротыми животами, вздутых трупов, или топтать в крови и грязи можно, глаз становится полностью бесчувственным, но к запаху привыкнуть невозможно.» 8 июля в связи с описанием реактивного миномета «Небельверфер»³⁸ он замечает:

³⁵ Saád Béla: A Dunától a Donig 1942 nyarán (От Дуная до Дона летом 1942 года). Budapest 1942. 84. См. также: Kecskés 34. és Galánffy György ezredes: Pillanatfelvétel szovjetről (Моментальный снимок СССР). Marjai 143–144.

³⁶ Nemeskéri Kiss Miklós tartalékos zászlós: Napló az orosz harctérről 1942 (Прапорщик запаса Кишш Миклош Немешкери: Дневник с русского театра военных действий). I–II. HL 2. hadsereg iratai 30. fasc. (Документы второй армии, папка 30) В дальнейшем: Nemeskéri.

³⁷ Nemeskéri 1942. július 4.

³⁸ Назывался также „Stuka zu Fuss“ («Пехотная «штука»»), реактивный миномет залпового огня, называли также «флейтой Гитлера». С 27 июня до 7 июля 1942 года Немешкери был командирован офицером для связи к командованию 16-ой немецкой моторизованной дивизии в Новоселовскую. По его наблюдениям здесь

«Действие было ужасным. Рядом валялись сотни людей и лошадей с вывалившимися глазами, лошади так, как были запряжены в орудия или телеги, по четыре и по шесть. Листья и трава полностью опалены. Страшное было зрелище. При этом вонь, которую испускают тысячи трупов – тоже не очень приятно. По моей оценке за один раз погибло пять-шесть тысяч русских. Ни один не остался в живых!»

В противоположность не содержащим никакого сочувствия словам Немешкери приведем отрывки из записей Иштвана Шимона (Simon István)³⁹, который писал о русских по-другому, восхищался тем, что несмотря на огромные потери они оказывали сопротивление. При этом он тоже был поражен увиденным, 17 июля 1942 года он пишет: «Здесь в России человека окружает гигантская тишина. Но это тишина не отдыхающей жизни, а жизни еще не начавшейся. ... Жизнь перед жизнью. Еще не поднявшиеся до человеческого уровня начальные существа, среди которых, однако, присутствует техника с организацией и средствами, превосходящими воображение современного мира. Самое острое проявление противоречий. До сих пор этот народ не имел запросов, в них жил только страх. И мы пронеслись здесь, не обращая внимания ни на что, потому что это не наше. А население смотрит пустым равнодушным взглядом. Что у них в душе? При этом в домах можно видеть иконы и кресты.» Месяцем позже 17 августа он запечатлевает ужасы фронта: „Нет более жуткого зрелища, чем поле битвы. Кругом разрушение и смерть. Этот город тоже выглядит как разлагающийся труп. В полях полно не захороненных трупов. Ими никто не занимается, потому что нет времени. Равнодушно и безучастно проходим мимо. ... Самым страшным в этой войне является сознание того, что нет снисхождения и милосердия. Мы когда-то слышали о благородстве в бою. Сейчас это только мечты.» Неоднократно он подчеркивает, что бои лета 1942 года гораздо кровопролитнее, чем это было в 1941 году. 20 декабря видя трупы четырех русских солдат он с уважением пишет о них: „Даже если они и враги, они сделали то, что смогли, самое большее. Хотя эта война идет не под знаком взаимного уважения, а в самой дикой ненависти.»

Часто противоречащие друг другу приведенные выше отрывки дневников хорошо отражают крайние точки разброса мнений. Вспоминая переговоры 20–22 января 1942 года⁴⁰ Кейтель (Keitel) утверждал, что премьер-министр Венгрии Ласло Бардошши (Bárdossy László) в связи с усилением учас-

---

из миномета стреляли снарядами со сжатым азотом. Это запрещенное женеvскими соглашениями оружие убивает все живое в радиусе 100 метров, так как связывает кислород из воздуха.

³⁹ См. прим. 11.

⁴⁰ В январе 1942 г. Венгрию впервые посетил министр иностранных дел Германии Иоахим Риббентроп с требованием отправить на фронт все военные силы Венгрии. В переговорах с генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем венгерскому руководству удалось получить согласие немцев на то, чтобы на советский театр военных действий была отправлена только вторая венгерская армия.

тия в войне называл среди основных сложностей пропагандистскую неподготовленность венгерского народа⁴¹. Здесь мы, напротив, видим, что влияние антисоветской пропаганды ясно прослеживается как в опубликованных после 1941 года работах, так и в неопубликованных дневниках. Представления солдат о Советском Союзе складывались под влиянием многих факторов. На них могли повлиять рассказы побывавших на русском фронте, а может быть и русском плену во время Первой мировой войны, затем проявлялась военная подготовка и пропаганда, наконец, личный фронтовой опыт. Роль Венгрии во Второй мировой войне осталась после 1945 года не обсужденной, так как в сложившейся после войны политической обстановке эти переживания не могли должным образом выкристаллизоваться. Однако дневники сохранили для нас личные впечатления, которые ранее не могли стать известны, не могли превратиться в часть коллективной памяти.

---

⁴¹ Keitel vezértábornagy visszaemlékezései (Воспоминания генерал-фельдмаршала Кейтеля). Budapest 1997, 127.